

## ПОЛЬСКИЕ КОРНИ РУССКО-АМЕРИКАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ: СУДЬБА И ТВОРЧЕСТВО Н. БИРСКОЙ-ОКУНЦОВОЙ<sup>1</sup>

Анна А. Арустамова<sup>2</sup>

*Пермский государственный национальный  
исследовательский университет, Пермь, Россия*

**Key words:** Perm, Russian émigré literature, poetry, poetics, motifs, images, Polish culture.

**Summary:** The paper investigates the meaning of “Perm period” in the artistic progress and in the way of life of the Russian émigré poet of Polish origin Nadezhda Birskaaya, who moved to the USA in 1924. The paper proves, that years of attending the University of Perm were formative for her ideological position. Her identity contaminated traces of Russian and Polish culture practices, as well as her deep experience of poetic self-representation and public activity in the years of Russian Revolution.

**Ключевые слова:** Пермь, польская культура, литература русской эмиграции, поэзия, поэтика, мотив, образ.

**Аннотация:** В данной статье освещается роль «пермского периода» в судьбе и творчестве одного из авторов русского американского зарубежья польского происхождения Надежды Августиновны (Августовны) Бирской-Окунцовой, эмигрировавшей в 1924 г. в США и проведшей небольшой, но мировоззренчески важный отрезок своей жизни, связанный с Пермью и, в частности, Пермским университетом. В работе показаны особенности формирования самоидентификации Бирской как поэта и общественного деятеля в годы революции, соотношение русского и польского начал в ее творчестве.

Н.А. Бирская происходила из семьи офицера А. Бирского. Родилась 26 ноября 1890 г. в г. Ломжа (на северо-востоке Польши), где квартировали русские войска. Детство ее прошло в этом городе, освещая ясным светом последующие драматические события жизни. А в годы гражданской войны польское происхождение и то обстоятельство, что детство она провела именно на территории Польши

---

1 Статья написана при поддержке гранта 12-14-59004 «Польская культура в Пермском крае: история и самосознание».

2 © Арустамова, А.А., 2013.

сыграло спасительную роль в ее судьбе. Именно благодаря этому Бирской удалось выбраться из советской России и через польскую границу перебраться в США.

В 1908 г. она окончила гимназию, мечтала об университете, о более активной и энергичной жизни. Однако родные не отпускали ее в Петербург, и ей несколько лет пришлось учиться в Варшавской консерватории. Только в конце 1913 г. Бирская отправилась в Петербург, где поступила в университет на физико-математический факультет. Начало Первой мировой войны сломало течение ее студенческой жизни, как и у многих других молодых людей того времени. Став сестрой милосердия в Надеждинской общине Красного Креста, она не смогла в полной мере уделять внимание занятиям в университете.

Февральская революция заставила ее оставить Петербург. В апреле 1917 г. вместе с другими студентами петербургских вузов Бирская отправилась на восток, остановившись сначала на очень непродолжительное время в Вятке, а затем в Перми. Именно здесь ее настигли трагические события 1917–1918 гг., предопределившие отъезд за океан и нашедшие отражение в литературном творчестве. Пермский период жизни Надежды Бирской завершился драматично – вместе с преподавателями и студентами Пермского университета она выехала из Перми в Томск вслед за войсками Колчака, а после – через Семипалатинск, Москву, Барановичи, Польшу – ей удалось выбраться из страны, охваченной гражданской войной, и в 1924 г. добраться до Нью-Йорка.

В Перми Бирская становится студенткой медицинского, а затем историко-филологического факультета университета. Пермский период биографии Бирской ознаменован изменениями в личной жизни: она выходит замуж за студента юридического факультета Пермского университета В.И. Яркова и берет его фамилию. В 1919 г. Ярковы вместе с отступающими колчаковскими войсками эвакуируются из Перми в Томск, поскольку в Сибирь эвакуировался и Пермский университет. Однако далее пути супругов разошлись. Бирская последовала за Колчаком на восток, а Ярков вернулся в Пермь, уже занятую красными войсками.

Пермский период в судьбе Бирской отмечен активной общественной деятельностью. Как сообщает сама Бирская в неопубликованных воспоминаниях «Моя тропа», в Перми она училась в университете, занималась литературой, сотрудничала с издаваемой эсерами газетой «Народная воля». Перебравшись из Вятки в Пермь, Бирская параллельно с обучением в университете поступила на службу

в Земскую управу инструктором по кооперации, читала лекции и организовывала общества потребительской кооперации. «Мне удалось вместе с беженцами и с воинскими частями и семьями офицеров из Петербурга в теплушке, в предлинном эшелоне перебраться в город Вятку, где я сотрудничала в газете «Вятская речь», оттуда пришлось бежать в город Пермь, в теплушке одного из вагонов товарного поезда, вместе со всеми беженцами из России... В городе Перми я поступила на службу в Губернскую Земскую управу в качестве губернского разъездного инструктора по потребительской кооперации» (Бирская-Окунцова 1970).

Чуть позже, в 1918 г., Бирская активно участвовала и в социально-политической деятельности: в качестве члена земской Губернской управы «вела народ к ознакомлению с выборными законами, при голосовании за делегатов во Всесибирское Учредительное Собрание», объезжая уезды Пермской губернии. Активное участие она принимала и в работе Первого Женского Губернского съезда в 1917 г., на котором были зачитаны приветствия Брешко-Брешковской, Веры Фигнер и были отправлены адреса деятельницам русской революции. На этом съезде Н.А. Бирская была избрана вице-председателем: вела съезд, активно работала с его делегатками

Общественная, социально-политическая деятельность, студенческий опыт нашли отражение в написанных ею поэтических текстах. Бирская активно вводит в них получившие массовое распространение образы русской поэтической классики. Автор цитирует вошедшие в широкий культурный обиход тексты Тютчева, Лермонтова, Пушкина и др. Заметим, что в Перми складывается мироощущение Бирской прежде всего как русского поэта, русского общественного деятеля. Польское в этот период остается фактом биографии, духовное же развитие происходит в лоне русской культуры.

В этот период лирическое «я» в стихотворениях Бирской максимально приближено к «я» биографическому. Стихотворения написаны в русле русской элегической традиции XIX века («Элегия»), пейзажной лирики («Весна»), социальной лирики второй половины XIX в («Как можно обойти просящего калеку»). В стихах Бирской легко узнаваемы образы и мотивы русской поэзии XIX в. (ср. в «тютчевском» стихотворении «Душе моей»: «За что страдаем мы вдвоем? / Ты – пленница безвольного ума, / – Вечно на поединке роковом Веленьем совести раздвоена...» (Бирская-Окунцова 1934: 49) или «пушкинское» название стихотворения, написанного уже в изгнании в Америке, – «Телега жизни»).

Автору свойственно обостренное переживание диссонанса красоты

уральской земли и творимой на ее глазах истории – конфликта, который станет центральным и для творчества «свидетелей истории» (образ, введенный в русскую литературу М. Осоргиным, в эмиграции неоднократно обращавшимся памятью к прикамской земле): «В мире Природы жизнь – отрада, Простор безбрежной, тишина... В мире людей – хаос печальный. Гоненье, ненависть, вражда...» (Бирская-Окунцова 1934: 41).

В текстах уральских стихотворений Бирской звучат мотивы живительной и обновляющей силы природы («Творцу», «Элегия»). Это изображение русского пейзажа: «Я так люблю здесь находиться / Под сению густых ветвей/ Орешника... / Хочу молиться Среди красот лесов, полей...» («Творцу»). Вместе с тем актуализируются социальные мотивы, интонация негодования, связанные с ощущением надвигающегося перелома. В одном из стихотворений («Что – жизнь?»), навеянном поездкой на нижнетагильский завод, автор заостряет социальные противоречия, рисуя картины тяжелого труда, бедности («И холодно, и сыро в доме, / И дети в рубищах, – одни... / Чем виноваты эти люди, / Что богачи им «не сродни»?!») (там же: 39).

Подчеркнем, что в стихах доэмигрантского периода важнейшее место занимают «географические» образы, поскольку 1917–1923 гг. – это годы скитаний, попыток спастись в революционном вихре. Петербург, Вятка, Пермь, ст. Тайга, Красноярск, Томск, Семипалатинск, Москва, Ломжа – только некоторые точки на пути исхода за океан. Автор стремится передать специфику географического пространства, особенности сибирского или киргизского пейзажа, иногда в редуцированном виде. Бирская создает образы пространства, по которому проходил ее путь из России в США. Во многом это стереотипные, ожидаемые и легко узнаваемые образы. В ее сибирских текстах появятся «великий Енисей, Могучий, гордый и зеленый», «плоты», «мужики-сибиряки», образ удалой вольницы («гармошка, свист и громкий хохот» – «Енисей»). Приметы Семипалатинска – «светлый Иртыш», «карагат кудрявый», «пески сыпучие», безбрежный простор («Духовнику моему Ф.М. Достоевскому»), «лазурное дивное небо» («Феликсу Францевичу Иордан-Лобержинскому»). Читатель Бирской следует тем же путем изгнания, что и автор – от Урала до Америки.

Вместе с тем, для стихотворений, написанных автором в Перми, значимы социально заостренные мотивы, что, очевидно связано с активной общественной деятельностью Бирской. Они продолжают звучать и в публицистических текстах – приветственное слово, очерк, – организуя сюжетное напряжение в них: противопоставление интенции

к обновлению, предощущения новой жизни и социальных противоречий пред- и постреволюционного времени.

Так, в приветственном слове к Женскому съезду его автор призывает: «Великий момент настал для нас – мы получили равноправие, так сговоримся же здесь, чтобы это равноправие не осталось на бумаге... Дружными усилиями, терпением и трудом добьемся новой жизни» (Стенограмма 1917: 3). Те же мотивы звучат в очерке «Путевые заметки по Верхотурскому уезду». Изображение крестьянской жизни выполнено в традициях русского реалистического очерка XIX в.: «Далее еду по селам и поселкам переселенцев из витебской, минской и других губерний. Повсюду беднота, беспросветная темь и убожество. Дети лет 6-8 почти голые, в еле-эле прикрывающих тело рваных рубищах, в худых лаптях, с посиневшими, замерзшими рученьками. Съезжившись, сидят у ворот или толкают друг друга в кучи снега» (Яркова 1917: 2). «Путевые заметки» Бирской, увидевшие свет в газете социал-революционеров, пронизаны острой социально-политической полемикой с большевиками. С одной стороны, и в стихотворениях, и в публицистике автор негодует, поднимая тему нищеты и тягот трудовой жизни русского народа, жаждет изменений. С другой, резко отрицает «большевистскую» пропаганду.

Однако социальному диссонансу противостоит радость познания и духовной, интеллектуальной деятельности, пробуждающей и освещающей душу лирической героини. Наиболее ярко это выражено в стихотворениях, посвященных Пермскому университету. Заметим, что в пермских стихотворениях Бирской читатель не найдет примет самого города, указаний на его ключевые локусы. Для автора Пермь – это прежде всего духовное и социальное пространство. И организовано духовное пространство прежде всего университетом.

Так, одно из стихотворений обращено к профессору Ю. Верховскому, работавшему в Пермском университете. Оно имеет заголовок «Вдохновенье (Посвящаю Исторiku Русской Литературы, моему учителю, Профессору В. Верховскому)» и завершается указанием на место, время и обстоятельства написания: «1918–1919 учебный год. Пермь. Историко-филологический факультет» (Бирская-Окунцова 1934: 45). Уже в заглавии упомянуто «учительное» слово поэта. Профессор-поэт предстает в ипостаси учителя жизни. По мере движения лирического сюжета Поэт обретает черты пророка, характерные для романтической лирики: «Твой звучный голос властно Вливает в души свет...» (там же). Возникает аллюзия на стихотворение Пушкина «Пророк». Таким образом, финал стихотворения

перекликается с заголовком, возникает единое смысловое поле.

В стихотворениях Бирской вообще существенное значение имеют заголовочно-финальные комплексы. Зачастую они превращаются в развернутые ремарки, обрамляющие поэтические строфы. Тем самым происходит проникновение эпического начала в лирический текст, расширение его пространства. Автор пытается таким способом придать «психологизм» поэтическому тексту. Так, в стихотворении «К отчизне (9–11 декабря 1921 года)» подзаголовок включает дату пересечения русской границы, а финальные строки указывают на место написания и, являясь повествовательными, характеризуют душевное состояние героини, переключают текст в иной регистр: «На польской границе. Между станциями «Погорелое – Столбцы. В беженских бараках, в слезах...» (там же: 59). В пространстве одного текста конструируется обобщенный образ России («Россия незабвенная, Страна многоликая, – Родина самоцветная, Богобоязная, великая... Волей непреклонная, Духом самобытная, – Миссией – распятая, Матерь всеединая...») и передается исповедальное переживание, выраженное в финальных строках, что создает интонацию плача по навсегда покидаемой России. Здесь сплетаются воедино осознание себя как русского поэта, принадлежащего русской культуре, актуализация польских корней (учитывая то, что именно благодаря этому обстоятельству Бирская смогла покинуть Россию и транзитом через Польшу оказаться в США).

В целом ряде стихотворений заглавие является одновременно и посвящением. Оно выполняет функцию экспозиции, представления адресата текста и функцию просвещения читателей, обладающих разным культурным опытом (например, «Феликсу Францевичу Иордан-Лобержинскому (польскому беллетристу, художнику и редактору журнала «Искусство и жизнь») – там же: 67 или «В.А. Поссе (Редактору журнала «Жизнь для всех» в С-Петербурге)» – там же: 70). Показательно, что посвящения адресатам-русским эмигрантам, как например, музыканту М.Д. Агреневои-Славянской, писателю Г.Д. Гребенчикову не содержат уточнений, вынесенных в заголовочный комплекс. Таким образом, в большинстве своем детализация касается событий русской, доэмигрантской, жизни и персон, связанных с доэмигрантским периодом жизни автора. Эти посвящения рассчитаны уже на русского (принадлежащего русской культуре, покинувшего Россию) читателя-эмигранта и представляют собой попытку препятствовать размыванию культурной памяти, связанной с утратой родины.

В стихотворениях Бирской заглавие может также задавать угол

зрения, необходимый для правильного понимания текста, «уточнять» авторскую позицию, указывать на характер «отношений» между автором и адресатом («Духовнику моему Ф.М. Достоевскому (к 100-й годовщине со дня его рождения) – там же: 57, «Светлой памяти А.С. Пушкина (К 130-ой годовщине со дня его рождения) и др.).

В наступившей сумятице российской жизни Пермский университет оставался в биографии и в стихах Бирской светлым началом – с одной стороны, связывающим с прежней, уходящей навсегда жизнью, а с другой, позволяющим противостоять «судьбы бездушным приговорам» (там же: 48). В 1919 г. университет эвакуируется вместе с войсками Колчака в Томск. Даже в очень тяжелых условиях в эвакуации в Томске, как пишет в воспоминаниях Бирская, студенты находили возможность надеяться: «Настало лето. В городе Томске, на реки Томи, студенты Императорского университета... как-то обжились... завели знакомства со студентами Политехнического института... Молодежь во всяких условиях и обстоятельствах умеет приспособливаться и находить пути радостной жизни» (Бирская-Окунцова: 1970).

Мотив надежды является ключевым в стихотворении, посвященном этому периоду студенческой жизни: «Семья жрецов в худой одежде Науке гимн с тоской поет, Озарена одно надеждой, Что на Руси заря взойдет...» («Студенческое общежитие» – Бирская-Окунцова 1934: 47). Позже, в конце 1920-х гг., будучи в США, Бирская напишет еще одно стихотворение, в котором вернется к университетским дням своей жизни: ретроспективно зазвучат те же мотивы молодости, надежды на светлую судьбу, несмотря на вихрь революции и гражданской войны. Упомянет в нем автор и А.П. Сырцова, Л.А. Булаховского, Ю.Н. Верховского и других уехавших в Томск преподавателей Пермского университета, пытавшихся наладить там студенческую жизнь и образовательный процесс.

Встреча преподавателями студентов из Перми является сюжетной ситуацией в тексте Бирской «Alma Mater». Однако в тексте отчетливо звучит центральная для стихов американского периода оппозиция: *тогда и сейчас*. «С тех пор так много лет прошло, / Ведь целых десять лет... / Кто знает? Может быть, давно / В живых уж многих нет?..» (там же: 82). Пермские события оказываются своего рода катализатором размышлений о прошлом и настоящем, толчком, запускающим механизмы памяти поэта.

Воспоминания о Перми нашли отражение и в написанном уже в США стихотворении, посвященном Первому Женскому съезду. Это стихотворение имеет посвящение «На 10-летие Первого Губернского Крестьянского Женского съезда в России, в гор. Перми, в Женском

Епархиальном Училище 23–25 октября 1927 г.». Однако озаглавлено оно «Америка». Чем обусловлено столь сильное смысловое различие текста и посвящения? Стихотворение состоит из пяти строф и построено как ряд определений концепта «Америка»: «Америка! Страна технических чудес, / Мир конкурсных идей и фокусных стремлений, / Строительница мертвых башен до небес. / Страна, где нищенствует неизвестный гений» (Бирская-Окунцова 1934: 76). США – это страна эмигрантов, новый Вавилон, в котором нет места культуре. Как и во многих текстах XIX–XX вв., в которых создан образ Нью-Йорка, Бирская вводит два образа-символа: Остров Слез и статуя Свободы.

Для понимания смыслового напряжения между посвящением и текстом следует иметь в виду кольцевой характер композиции. Во второй строфе возникает мотив глухоты американцев к культуре («Культуре», как пишет Бирская), именно об этом же и последняя строка: «Страна – свидетельница бедствий миров потонувших, Где всем живет народ, но не читает книг!..» (там же: 76). Посвящение же, помещенное после основного текста, имплицитно противопоставляет Америке Россию – страну, ориентированную на духовное, а не на материальное. Подобно многим другим эмигрантам, Бирская критически относится к земле изгнания, которая отнюдь не стала землей обетованной, резко противопоставляет утраченную родину новому миру, в котором оказалась (см. о специфике выражения эмигрантского опыта в литературе XIX – начала XX вв., например: Арустамова 2008; Лыткина 2008).

Отзвуки воспоминаний о пермском периоде будут звучать и в «юбилейном» стихотворении «Екатерине Константиновне Брешко-Брешковской (Бабушке Русской Революции). К 85-летию со дня ее рождения», написанном в Чикаго в 1929 г.: «Когда в России дело было, / Съезд Первый Женский собрался, / Ты этот съезд благословила, / Он именем моим велся. / Я шлю горячее спасибо / От дочерей твоих, внучат / И припадаю торопливо к руке твоей – Сестра и Мать» (там же: 83). Здесь вновь звучит характерный для стихотворений Бирской мотив слиянности индивидуальной судьбы и судьбы родины. Именно он будет определять ее эмигрантское творчество в 1920-х – начале 1930-х гг.: «Нет, я не в силах воспеть / Поверхности земной пышный наряд! / Ни облака, ни звезды, ни покой, / – Пока в мученьях корчится мой край родной!..» («На чужбине» – там же: 63).

В поэзии Бирской образы, связанные с Прикамьем, становятся слагаемыми образа утраченной родины, реконструкцией прошлого и одновременно точкой отсчета для характеристики настоящего и



самоидентификации в новом, чужом мире, который обжился болезненно и мучительно.

**Литература:**

- Арустамова, Анна А. 2008. *Русско-американский диалог XIX в.: историко-литературный аспект*. Пермь: Перм. гос. ун-т. 590 с.
- Бирская-Окунцова, Надежда А. 1934. *Искры*. Париж. 105 с.
- Бирская-Окунцова, Надежда А. На волнах истории. 1890–1970. В: Архив *Н.А. Бирской-Окунцовой*. Музей Русской культуры. Сан-Франциско.
- Лыткина, О.И. 2008. «Американский текст» в русской языковой картине мира. В: *Уч. записки РГСУ*. № 4. С. 244–249.
- Стенограмма Пермского губернского женского крестьянского съезда. В: *Народная воля*. 24 октября 1917 г. № 43. С. 3.
- Ярков, В.И. Личное дело. В: *ГАПО*. Фонд 180. Оп. 7. Дело 530. Л. 3.
- Яркова, Надежда. Путевые заметки по Верхотурскому уезду. В: *Народная воля*. 18 ноября 1917 г. № 63. С. 2.